

Общественная мысль

М. В. Першина

Сочинения И. Р. Легостаева и идеология филипповского согласия в XIX веке *

Идеология старообрядцев, их политические взгляды, отношение к миру и государственной власти определялись эсхатологическим учением. Взяв за основу христианское учение о конечных судьбах мира и человека, старообрядцы утверждали, что после церковной реформы XVII в. в России воцарился антихрист. Эсхатологические ожидания, актуализированные старообрядцами всех согласий, особенно остро переживались филипповцами. Основатель согласия старец Филипп вышел из Выговского общежития в знак протеста против «соглашательской» линии поведения поморцев, допустивших введение на Выгу богомолия, в котором использовался текст тропаря Кресту и государь именовался «правоверным» и «благочестивым». В 1742 г. старец Филипп закончил жизнь самоسوожением. Последователям старца добровольная «огненная смерть» в условиях наступившего «последнего» «антихристового» времени также представлялась верным путем к спасению души, поэтому за ними прочно закрепилась слава «самосожигателей» и «морельщиков»¹.

Исследования Н. С. Гурьяновой² и А. И. Мальцева³ показали, что в действительности ярко выраженный радикализм был характерен для филипповцев только на раннем этапе истории согласия. Уже в 70-е гг. XVIII в. часть последователей старца Филиппа начала осуществлять постепенный переход на более умеренные позиции по отношению к внешнему миру и государственной власти, что отчасти связано было с либеральной политикой Екатерины II. Исследователи обратили внимание на то, что хотя филипповцы продолжали сравнивать правящего государя с антихристом, они стали осуждать практику «гарей», доказывать справедливость «записи в

* Статья написана в рамках Программы Президиума РАН № 29.3.1 «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

¹ Об этом подробно см., например: *Смирнов П. С.* Споры в расколе во второй четверти XVIII в. // Христианское чтение. 1911. № 3. С. 338–346.

² *Гурьянова Н. С.* Об отношении крестьян филипповского согласия в XVIII в. к государственной власти // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1987. С. 142–143; *Она же.* Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С. 61–83.

³ *Мальцев А. И.* Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII – начале XIX в.: проблема взаимоотношений. Новосибирск, 2006. С. 141–264.

Першина Мария Александровна, младший научный сотрудник Института истории СО РАН. E-mail: masha@perchine.com

© М. В. Першина, 2011

раскол» и необходимость выплаты налогов, а также установили приемлемую для себя форму вознесения молитв за государя (по Псалтыри, без упоминания его имени и «прилагательных» эпитетов, как за иноверного). Это свидетельствует об эволюции идеологии согласия.

Уточнить некоторые особенности идеологии филипповцев XIX в. позволяют сочинения старообрядца И. Р. Легостаева, тюменского писателя и иконописца ¹. Два сочинения И. Р. Легостаева, дошедшие до нас в сборнике РНБ, О.И.491 ², в какой-то мере позволяют получить представление об его историко-эсхатологической концепции. Сам автор назвал эти сочинения «Беседословиями». В сборнике они расположены друг за другом, поэтому обозначим их «Беседословие» первое ³ и второе ⁴. В тексте второго «Беседословия» автор сообщает, что писал его во время «страдальческого путиследования ко гробу в глубокую Сибирь», то есть в ссылку на поселение в Забайкалье. Из первого «Беседословия» становится очевидной и причина «страданий». Писатель с гордостью вспоминал беседы о вере с представителями официальной Церкви в г. Тюмени, когда он «отстоял» и «оправдал» свою веру, за что и был наказан: «Благодарю премудраго Бога, давшаго мне небоязненное дерзновение, еже дважды тридневно лично со архипастыри нынешняго века имел законное о правоверие и о веронарушении и о антихристе разглагольствие, не ослабляя церковных жил. Не был постыжден, ибо и новья учителя все мои доказательства приняли в резон и утвердили» (Л. 97) ⁵.

Как сообщает старообрядец, «разглагольствие» его с представителями официальной Церкви было о вере и антихристе. Именно эти темы последовательно развивались в его первом «Беседословии». Имея возможность в ссылке заново осмыслить дискуссии с «архипастыри нынешняго века» и принять во внимание возражения противоположной стороны, он логично и аргументировано изложил свое представление о переживаемом времени как о «последнем». На конкретных исторических примерах автор проследил всю историю человечества от сотворения мира до современности, аксиоматически утверждая идею всемирного отступления от Бога. При этом особое внимание он уделил, конечно,

¹ О нем см.: *Темплинг В. Я.* О четвертом томе из тюменских старообрядческих сборников В. И. Макарова // Древнерусское духовное наследие в Сибири. Новосибирск, 2008. Т. 1. С. 312; *Першина М. В.* «Духовное завещание» Ивана Родионовича Легостаева // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2010. № 3. С. 23–26.

² РНБ, О. И. № 491, 8°, конец XIX в., полуустав двух почерков, 172 л. Описание сборника см.: Отчет императорской публичной библиотеки за 1902 г. СПб., 1910. С. 161–165.

³ РНБ, О.И. № 491. Л. 58 – 133 об.

⁴ Там же. Л. 134–153 об. Ссылки на листы этой рукописи даются в тексте в круглых скобках.

⁵ Это сообщение старообрядца соотносится со сведениями тюменского исследователя В. Я. Темплинга о том, что в Тюмени в 1844 г. с И. Р. Легостаевым проводились беседы с целью склонить его к православию или единоверию. Об этом см.: *Темплинг В. Я.* О четвертом томе из тюменских старообрядческих сборников... С. 312.

«последнему отступлению», которое, с его точки зрения, произошло в России после церковной реформы, начатой патриархом Никоном¹.

Изложение историко-эсхатологической концепции тюменский писатель начал с описания весьма традиционных представлений о мироздании, основанных на библейской теории шестидневного творения мира. Свое повествование он основывал на Первой книге Бытия и историческом повествовании вводных статей к Хронографу редакции 1620 г.² Особое внимание он уделил четвертому дню божественного творения, когда произошло «отпадение ангелов», возглавляемых Сатанайлом. Этот сюжет был для него очень важен, поскольку позволял показать дуальную природу мира, разделенного на божественный и дьявольский³.

С помощью дуальной модели мироздания автор-старообрядец описал всю дальнейшую историю человечества, представив ее как результат противоборства божественных и дьявольских сил, света и тьмы, добра и зла. Он очень кратко перечислил основные вехи ветхозаветной истории (грехопадение Адама, убийство Авеля Каином, всемирный потоп, строительство Вавилонской башни, египетский плен «народа Израилева» и др.) и истории жизни и смерти Иисуса Христа, которая, согласно христианскому мировоззрению, была кульминационным моментом истории. Каждый новый сюжет писатель вводил, предварив его фразой: «Горе тебе, диаволе». В качестве примера такого авторского приема приведем соответствующий фрагмент «Беседословия»:

«Горе тебе, диаволе, иже льщением своим сосудом змия лишил еся рая жители.

Горе тебе, диаволе, иже послушна обрел себе Каина убийцу брата его Авеля.

Горе тебе, диаволе, иже от Каинова рода умножил еси послушных твоего льщения сынов противления Богу, и искажил Сифов род.

Горе тебе, диаволе, иже за твое льщение низпослался Божии с небеси гнев на беззаконноживущии на Адамов род и истопоша в водах зельных потопа...» (Л. 87 – 87 об.).

Восклицание «Горе тебе, диаволе!» выступало смысловой доминантой, направляя внимание читателя, поддерживая постоянное эмоциональное напряжение и придавая историческому повествованию форму духовного стиха. Вполне возможно, что эту устойчивую формулу старообрядческий писатель заимствовал из «Слова о святых иконах» Мефодия, патриарха Константинопольского⁴, написанного в первой половине IX в. в разгар борьбы с иконоборческой ересью в Византии. Фразой «Горе тебе, диаволе!» византийский

¹ О «последнем отступлении» подробно см.: *Опарина Т. А.* Число 666 в русской книжности середины – третьей четверти XVII в. // *Человек между царством и империей.* М., 2003. С. 287–317.

² *Рукописный список Хронографа* см., например, БАН, собр. Архангельское, № 425, № 424. Описание ркп. см.: *Описание рукописного отдела библиотеки Академии Наук СССР.* Т. 3. Вып. 1. С. 218–220, 234–236.

³ О народно-христианском представлении о том, что дьявольский мир является зеркальным отражением мира Божественного, см., например: *Журавель О. Д.* Сюжет о договоре человека с дьяволом в древнерусской литературе. Новосибирск, 1996. С. 103–106, 157–168.

⁴ О нем см.: *ВМЧ*, 14 июня.

писатель завершил «Слово о святых иконах»¹, объяснив кознями дьявола «смещение» христиан с еврейским народом, виновным в распятии Христа.

Этот топос встречается и в народной, апокрифической литературе. В качестве примера приведем новозаветный апокриф «Прение Господне с дьяволом». Вложенная в уста Христа, противостоящего искушениям дьявола, эта фраза утверждает непоколебимую веру в конечную победу Божественного начала в вечном поединке добра и зла: «И говорит ему (дьяволу. – М. П.) Иисус: “Горе тебе, дьяволе, яко прелестник еси всем человекам – посрамить тебя имею”»².

Но если в народном апокрифе восклицание «Горе тебе, дьяволе» носит оттенок сожаления, то у тюменского писателя оно звучит как проклятье, сила которого возрастает с каждым новым повторением (он использовал его двадцать раз). Подобный авторский прием построения текста с использованием в качестве рефрена одной фразы или ее вариации – распространенное явление в народной старообрядческой литературе. Типичным примером является беспоповское сочинение XVIII в. о времени, достойном плача, опубликованное и проанализированное О. Д. Журавель. По наблюдению исследовательницы, риторические возгласы, акцентирующие тему плача, встречаются в нем пятнадцать раз, разделяя его на логико-тематические части, что позволило автору «достигнуть композиционной симметрии и ритмико-интонационной гармонии всего текста»³. Тюменский писатель, по-видимому, стремился к подобному эффекту. Он пытался быть убедительным и заботился не только о логичности изложения, но и о выразительности текста и его эмоциональном воздействии на читателя. В этом он следовал старообрядческой традиции, идущей от протопопы Аввакума. Как справедливо отметила О. Д. Журавель, «путь Аввакума... будучи на время оттеснен Выговскими риторическими моделями, оказался на периферии магистрального течения старообрядческой литературы, но затем был продолжен в творчестве староверов, более тесно связанных с народной культурой, вплоть до писателей конца XX – начала XXI в.»⁴.

Двадцатикратное повторение устойчивой формулы «Горе тебе, дьяволе!» придавало особую значимость авторским рассуждениям, поскольку внимание читателя, таким образом, акцентировалось на борьбе добра и зла, изначально присущей земному миру. Последним повторением этой фразы отмечен этап в авторских рассуждениях. С ней связан переход от изложения событий всемирной истории к Российской, а благодаря ей сделан акцент на «последнем»

¹ Ср.: «Злосчастный враг наш дьявол, изначала воюющий на род человеческий, видя, что народ еврейский был любим Богом, позавидовал ему и погубил его... Горе тебе, дьяволе, враждебниче Богу, потому что смешал христиан с иудеями». «Слово о святых иконах иже во святых отца нашего Мефодия, архиепископа Константинопольского, исповедника» // Даниловский благовестник. М., 1992. № 4.

² Тихонравов Н. Памятники отреченной русской литературы. СПб., 1863. Т. II. С. 282–288.

³ Журавель О. Д. Старообрядческое сочинение о времени, достойном плача, как памятник народно-христианской литературы // Памятники отечественной книжности: новые тексты, новые интерпретации. Новосибирск, 2007. С. 239–240.

⁴ Там же. С. 241.

времени, связанном с воцарением антихриста: «Горе тебе, диаволе, иже сам по попущением Божии бысть освобожден темниц адовы по 1000-щи лет¹. Увы, начало Рим со всеми западными странами. Горе, Москва, конец! Тобою, Титин, весь мир опровержен бысть» (Л. 95). Поразительной по воздействию на читателя авторской находкой является контраст победной интонации обращения «Горе тебе, диаволе!» и наполненного трагизмом и эсхатологическими ожиданиями причитания «Горе, Москва, конец!», завершающего данный тематический раздел и задающего тему и тональность дальнейшей проповеди И. Р. Легостаева. С помощью этой фразы автор обозначил средневековую концепцию «Третий Рим» (в старообрядческом варианте)², обратив внимание на ее эсхатологическую направленность.

Подчеркнув ее эсхатологическую сущность, автор сделал намек на идею о «трех отступлениях», изложенную в московских изданиях 40-х гг. XVII в. «Кирилловой книге» и «Книге о вере». В тридцатой главе «Книги о вере» она была сформулирована следующим образом: «По тысячи лет от воплощения Божия слова Рим отпаде со всеми западными странами от восточныя церкви. В пятьсотное же девять десят пятое лето по тысячи жителие в Малой Русии к Римскому костелу приступили... се второе отрвание христиан от восточныя Церкви... Егда исполнися 1666 лет да нечто бы от преждебывших вин зло некакова не пострадати и нам»³. Старообрядцы, естественно, считали это происшествие исполнившимся в связи с церковными соборами 1666–1667 гг., оно лежало в основе старообрядческих эсхатологических построений. И. Р. Легостаев в «Беседословии» тоже использовал теорию о трех отступлениях: «Три отступления. По тысячи лет римское, в 595-е литовское⁴, в 666-е московское» (Л. 103).

Тюменский писатель несколько раз акцентировал внимание на этой теме. Прежде всего, он попытался подвести читателя к мысли о том, что под «падением» царства необходимо понимать не военные и политические события, а факты нарушения веры, «отступления» от веры. Для этого он привел примеры из истории о разрушении государств, пересказав известный текст из древнерусской книжности. Вполне возможно, что он, будучи в ссылке, по памяти воспроизвел фрагмент из Хронографа («Козмографии»), список которого (или выписки из него) был в тюменской общине⁵. В качестве наглядного примера приведем параллельные тексты:

¹ Согласно Апокалипсису сатана был связан Христом на тысячу лет.

² О средневековой концепции «Третий Рим» см.: *Синицына Н. В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. М., 1998. С. 305–317.

³ *Книга о вере.* М., 1907. Л. 272 об.

⁴ Имеется в виду не Флорентийский собор или падение Константинополя, а Брестская уния 1595 г. Об этом подробно см.: *Лурье В. М.* Три эсхатологии. Русская эсхатология до и после великого раскола // Мир православия. Волгоград, 2000. Вып. 3. С. 150–178.

⁵ О библиотеке тюменской общины можно судить по уникальному источнику – рукописному комплексу из четырех сборников, составленных во второй половине XIX – начале XX в. под руководством наставника тюменской филипповской общины Варсонофия Ивановича Макарова. Описание см.: *Беляева О. К., Панич Т. В., Титова Л. В.* Описание тюменских старообрядческих

<p>Первое «Беседословие» И. Р. Легостаева</p>	<p>«Из книги Козмографии».</p>
<p>«Возведем мысленныя очи и посмотрим разумным рассуждением о превращении престол сильных. Где святая Палистина, где Египет, где Ефиопия, где Левия, где Александрия, где грады еллинския многофилософития?... Где многочеловечное Римское владычество? Где и Третий Рим? Не здание хитрой архитектуры разрушены, но души злопогибальными ересьми повреждены» (Л. 77 – 77 об.)</p>	<p>«Ныне же возведем очеса мысленная и посмотрим разумным видением и побеседуем душевным рассуждением о превращении престол сильных, еже есть стран великих и держав преславных. Где Вавилон, первый в славе, и Персида многонародная? Где Индия многочеловечная и Ефиопия и тех пространство со отцы морскими? Где Ассирия боголюбивая, в ней же избранный град Иерусалим и Палистина достохвальная?... Где же и над вселенною властвующии Римское величество, с ним же и Германия многочеловечная... Овы грады от войны разрушение прияша, инии опустением осиротеша, овии же обсилованием страха и даньми неверных царей. Инии же и златоконьяныя их полаты не падоша, но души их злопогибельными ересьми погибоша»¹.</p>

И. Р. Легостаев в «Беседословии» явно использовал фрагмент из Хронографа («Козмографии»), немного подкорректировав исходный текст в соответствии со своей задачей. Он сократил список погибших «держав сильных», указав только несколько из них, а также пропустил рассуждения о возможности падения государств «от войны», «опустения», «обсилования страха», «даней неверным царям». При этом он очень органично дополнил текст вопросом о «Третьем Риме», отсутствующим в исходном тексте, и оставил указание на самую важную с его точки зрения причину разрушения всех «царств» – «души злопогибальными ересьми повреждены».

Далее он снова вернулся к теме падения Рима: «Да веси, христолюбие, яко вся християнская царства приидоша в конец и снидошася во едино царство гряд (государя? – М. П.) нашего по пророческим книгам, то есть Россииское царство. И два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти» (Л. 77 об. – 78). В данном случае автор почти дословно процитировал фрагмент из Послания старца Филофея Григорию Мисюрю, в котором в концентрированном виде

сборников ИИФиФ СО АН СССР и УрГУ // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С. 156–233.

¹ Собр. ИИ СО РАН. 13/73. Л. 663 об. – 664.

была изложена концепция «Третий Рим»¹, и констатировал тот факт, что пророчество о падении Рима уже исполнилось: «И кто ныне от правомыслящих речет стояти третиему Риму? Паде бо горестным падением, сиречь отступлением от православных христианския веры по числу еже о нем 666» (Л. 78).

Заявив о падении «Третьего Рима», тюменский писатель соединил концепцию дрящегося Рима с теорией о «трех отступлениях», показав, что с 1666 г. якобы началось «последнее время» и миром стал править антихрист. И. Р. Легостаев был приверженцем теории духовного антихриста, которую филипповцы восприняли от поморцев. Согласно этой теории антихрист представлялся как дух, который воцарился в государстве и обществе, но действует через свои «сосуды» – конкретных людей. Эту мысль автор очень просто и доходчиво пояснил следующим образом: «То есть един помрет, а дух антихристов в другаго перейдет» (Л. 102).

Аргументируя теорию духовного антихриста, тюменский писатель явно опирался на некоторые поморские сочинения, в том числе поздние, написанные в конце XVIII в. В частности, вполне возможно, что при написании «Беседо-словия» филипповский автор И. Р. Легостаев использовал поморское сочинение «Щит верь» или «Обские ответы»², написанное в 1789–1791 гг., список которого был в тюменской общине³. Значительная часть этого объемного сочинения была посвящена изложению эсхатологического учения поморцев. Н. С. Гурьянова, осуществившая научное издание этой части «Щита верь», обратила особое внимание на систему аргументации автора, отметив, что он постоянно напоминал читателю, что тексты Священного Писания необходимо понимать «духовно», а не по «писменному разумению»: «В этом поморском сочинении впервые столь четко просматривается использование старообрядцами в качестве основополагающего исходного пункта их рассуждений принцип толкования Священного Писания в “духовном смысле”»⁴. Этот же принцип был положен в основу эсхатологических построений Легостаева. Отстаивая теорию духовного антихриста, анализируя и объясняя пророчества о его рождении, времени царствования, его предтечах и др., тюменский писатель не только использовал те же цитаты, что и поморский автор, но и заимствовал некоторые характерные авторские приемы.

Как отметила Н. С. Гурьянова, одной из особенностей поморского «Щита верь» является обращение не только к традиционным книжным авторитетам, но апелляция

¹ Ср.: *Послание* о неблагоприятных днях и часах // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2000. Т. 9. С. 298.

² Полное название сочинения – «Ответы древняго благочестия любителей на вопросы новодогматствующаго иерейства». Фрагменты текста этого объемного сочинения опубл.: *Духовная литература* староверов востока России XVIII–XX вв. Новосибирск, 2005. Т. 2. С. 83–174.

³ Фрагменты поморского «Щита веры» включены в тюменский рукописный комплекс В. И. Макарова. Например, полностью переписаны ответы на 12-й и 292-й вопросы, а также включены цитаты из него в разделе мелких тематических выписок: *Собр. ИИ СО РАН*. № 13/74. Л. 176 об. – 177 об., 843 об. – 844 об.; № 14/74. Л. 92, 565 об. – 566.

⁴ *Духовная литература* староверов востока России XVIII–XX вв. Т. 2. С. 476.

к бытовому сознанию и здравому смыслу¹. Приведем типичный пример. Обращаясь к воображаемым оппонентам, поморский писатель доказывал невозможность «буквального» истолкования пророчеств Апокалипсиса следующим образом: «Тогда (рече) глад крепок по всей земли, тогда рыдание неутешно, тогда плач безмерен. Тогда зверие на человеки восстанут, скоти четвероногая помрут... Како и сия имут чюственно збытися, аще бо глад крепок по всей земли будет, яко человеком от глада и жажды скончатися. И по всей земли от телес повергнутых умерших возсмердети. Кто тогда покарятися будет антихристу? Человеком умершим и аще скоти и четвероногая помрут, убо и зверие суть четвероноги от глада умрети имут, а на человекое востати не могут. И аще антихрист себе помощи не может от тоя неизреченныя скорби, убо и антихрист, человек сый естеством, нужду имать гладом изнемогши умрети. И тако все царство его гладом и жаждено скончается. Аще ли же сице, то несогласно будет Христову Евангелию и святых отец писанию»². С помощью логики и здравого смысла автор «Щита веры» пытался довести до абсурда идею о возможности «буквального» понимания пророчества о наступлении голода во время воцарения антихриста. Ему важно было подвести читателя к мысли о том, что под гладом надо понимать не телесный, а духовный голод.

Подобные авторские рассуждения включены Легостаевым и в «Беседословие»: «Сказано, яко в царство его глад будет по всей земли. То како могут гладныя народы приити к нему на поклонение, ибо и скоти и четвероногая помрут, сего ради некое будет впречь для своего в дальний путь проезда» (Л. 115). Этот рациональный аргумент также позволил автору четко сформулировать мысль о том, что в пророчестве речь идет о том, что «глад» «последнего времени» – это «неслышание слова Божия». Таким же образом он прокомментировал пророчество о том, что антихрист объявит себя царем всей земли: «Да и можно ли многим державам, имеющим своих природных государей и многочисленное воинство таковогого самозванца признать за царя?». Далее он поместил ответ на этот вопрос: «Нет, нет, не согласны будут на таковое его глупое обобщение!» (Л. 115 об. – 116). Писатель-старообрядец в данном случае продемонстрировал наблюдательность и смекалку, творчески переработав некоторые фрагменты поморского «Щита веры».

Обращает на себя внимание тот факт, что хотя большая часть сочинения И. Р. Легостаева посвящена доказательству воцарения в России антихриста, он не связывает этот образ ни с именем правящего государя, ни с патриархом Никоном, виновным в «отступлении» от истинной веры. Эсхатологические построения Легостаева лишены острого политического и антицерковного подтекста, в них нет призыва к отказу от повиновения антихристовой власти, что было характерно для сочинений, написанных на раннем этапе истории согласия. Более того, в «Беседословие» тюменского филипповца, которое, как мы уже отметили, было написано им в забайкальской ссылке, включены фрагменты, посвященные доказательству необходимости подчинения государю. Автор выступил с критикой учения страннического

¹ Гурьянова Н. С. О приемах построения текста писателями-старообрядцами // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 3. С. 24–28.

² Духовная литература староверов востока России... С. 138.

согласия, по которому единственным средством спасения души был побег из мира «антихриста». Старообрядческий писатель, сам претерпевший страдание от властей, наоборот, аргументировал целесообразность внешних уступок распоряжениям власти, которые не затрагивали бы основ вероучения.

И. Р. Легостаев в своем «Беседословии» очень последовательно, логично, доходчиво для читателя доказал, что настоящее время – «самое последнее», и антихрист уже давно владеет душами людей, отступивших от веры, соответственно Второе Пришествие и Страшный Суд могут начаться в любой момент. Но этот постулат, несмотря на весь трагизм неоднократно употребляемого им причитания «Горе, Москва, конец!», не стал для тюменского филипповца причиной глубокого пессимизма и болезненного ощущения тягостной безысходности. Богослов С. Н. Булгаков отметил, что такого рода «тяжелый», «темный» эсхатологизм был характерен только для раннего этапа старообрядчества: «Он возникает вследствие исторического испуга и некоторой религиозной паники; таковы, например, русские раскольники самосожигатели, которые хотели истребить себя, чтобы спастись от воцарившегося антихриста». «Темному» эсхатологизму С. Н. Булгаков противопоставил образ «светлого» эсхатологизма: «Эсхатологизму может (и должен) быть свойствен светлый образ устремленности ко Христу грядущему. По мере того, как мы движемся в истории, мы идем к Нему навстречу, и лучи, идущие от Его грядущего пришествия в мир, становятся ощутимы»¹.

Булгаковское выражение «светлый образ эсхатологизма» можно применить и к историко-эсхатологической концепции и мировосприятию тюменского филипповца И. Р. Легостаева. Эсхатологические построения необходимы ему были главным образом для того, чтобы подвести читателей к мысли о важности и ответственности переживаемого момента, в связи с этим он особо подчеркивал необходимость сохранения веры и чистоты души: «Остается нам точию чаяти и ждати, и быти готовым и достойным ожиданием Второго Пишествия Христова... А паче всего нужнее ожидати свою кождо кончину» (Л. 120 – 120 об.). Его собственная жизнь в забайкальской ссылке, которую он воспринимал как страдание, мученичество за веру, и которая была им описана в другом «Беседословии»², должны были послужить читателю наглядным примером правильного поведения истинного христианина перед грядущим концом.

Таким образом, в «Беседословии» тюменского филипповца И. Р. Легостаева представлена цельная историко-эсхатологическая концепция. Ее анализ позволяет сделать вывод, что автор, мастерски владеющий словом, представил эсхатологические построения в богословской области, не делая прямого сопоставления с современной ему действительностью. Он попытался, не сосредотачиваясь на внешних политических событиях, увидеть метафизические корни зла, изначально присущие тварному миру. Ослабление политической окраски эсхатологических построений сблизило позицию тюменского филипповца с поморской. Он даже стал использовать в качестве образца тексты, созданные в родственном согласии. Это свидетельствует о снижении политического радикализма идеологии филипповского согласия в XIX в.

¹ Булгаков С. Православие. Очерки учения Православной Церкви. М., 1991. С. 375, 385.

² Першина М. В. «Духовное завещание» Ивана Родионовича Легостаева. С. 23–26.